

Хамид Исмаилов

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

Друзья Сухроба Сураталиева в шутку называли его за глаза Зурабом Церетели. Сухроб тоже был скульптором, но имя его, в отличие от Церетели, чьи огромные скульптуры возвышались над столькими московскими площадями, не было знакомо каждой дворовой собаке. Однако наш скульптор Сухроб был достаточно известной творческой личностью, уважаемой в кругах московской художественной элиты. Минуло лет сорок, если не больше, с тех пор как Сухроб приехал в Москву, так что он привык ощущать себя сыном этого огромного города и успел подзабыть о том, что родился на берегах андижанского зловонного Кутан-арыка в глубокой провинции Узбекистана. Ему уже казалось, что глина его жизни, если можно так выразиться, замешана здесь, в самом центре империи и цивилизации, а не где-то там, в безвестных окраинах.

Изобразительные искусства построены, как правило, на прибавлении и избыточности, тогда как скульптура, единственная из них, зиждется, по определению великого Микеланджело, на изъятии и отбрасывании ненужного, лишнего. Помните его знаменитую фразу о том, что его Давид всегда пребывал в камне, а работа заключалась лишь в том, чтобы срезать, отбросить ненужное? Мне кажется, что медленно, но верно навык такого рода прорубает свой путь и в человека-скульптора: эти сколы и срезы проникают и в его жизнь, и он начинает смотреть на все вокруг именно с этой точки зрения. Пустое, случайное или ненужное не находят места в его сердце, и вдруг с удивлением он обнаруживает в себе постоянное стремление докопаться до самого ядра событий, до самой сути вещей, их сердцевины... И с этим приходится мириться и жить.

Таким был и наш Сухроб. Из-за этого некоторые знакомые считали его высокомерным, холодным и отрешенным, в то время как люди, знавшие его близко, осознавали, насколько поверхностна такая характеристика. Но давайте взглянем на него поближе, причем оставаясь в рамках нашей истории верными тому самому

правилу Микеланджело. Давайте отбросим все ненужное, отвлекающее и окунемся в самую суть нашего рассказа...

Случилось так, что в последнее десятилетие Москву заполонили узбеки и таджики, киргизы и азербайджанцы, оставившие свои безнадежно бедные земли в поисках заработка и лучшей жизни. В советское время их можно было встретить разве что на Казанском вокзале или на ВДНХ. Однажды, в ту стародавнюю эпоху, в антракте какого-то балета в кремлевском Дворце съездов сидящий в директорской ложе Сухроб заметил внизу колхозника — настоящего кишлачного типа. Он так резко выделялся из ринувшейся к буфетам толпы, настолько был потерян и чужд всей этой изысканной публике, что Сухробу захотелось узнать, что привело его сюда. Увы, скульптор постеснялся спуститься вниз и разыскать этого узбека в тубетейке. И все же его вид произвел на Сухроба такое впечатление, что, вернувшись в мастерскую, в ту же ночь он принял за свою знаменитую «Гирью» — узбекскую «Пьету». В этой скульптуре над Иисусом, только-только снятым с креста, рыдая, склонились его мать Мария и его возлюбленная, Мария Магдалина, но обе они были воплощением женщин узбекских кишлаков, сотворенные будто бы из простого белого хлебного теста. Там же, немного поодаль от скорбящих женщин, стоял, как на страже, тот самый потерянный и отрешенный колхозник-узбек.

Это было тогда. Теперь же люди из кишлаков толпились на каждом углу и выглядывали из подвала каждого московского дома, и скульптор Сухроб чувствовал себя потерянным. Странное это было чувство — похожее на ревность. Ведь Сухроб когда-то гордился принадлежностью к тем редким людям, чьими предками были Чингисхан и Тамерлан. Сейчас, среди орд таких же, как он, «потомков», он чувствовал себя чем-то вроде обесцененного гроша. Теперь он стеснялся называть себя узбеком, равно как и надевать на вечеринки или банкеты свою некогда фирменную златотканую бухарскую тубетейку.

Кроме того, просвещенные и утонченные друзья Сухроба, жалуясь на свои повседневные проблемы, запросто могли, обращаясь к нему, посетовать на всех этих приезжих, превративших город

в проходной двор, как будто говоря: «Ты один из нас» — и ожидая от него сочувствия. Такого рода разговоры заставляли Сухроба потеть. Дома он вымещал горечь и злость на своей нежной русской жене Машеньке.

«Посмотри,— говорил он в гневе,— они приехали сюда не на прогулку! Если бы жизнь в их родной стране была такой замечательной, они бы никогда не оставили свои семьи и теплые дома, чтобы жить в этом холодном городе, как грязные собаки! Недавно я читал в газете, что подвалы нескольких многоквартирных домов были поделены с помощью картонных коробок, и там эти люди жили сотнями. Или вот: один русский вместе с домом продал четырех кур, двух гусей, разную домашнюю рухлядь, и вдобавок к этому — узбекского слугу. Можешь себе представить? И это — двадцать первый век?!»

Бедная Маша в ответ только качала головой.

Когда скульптор был зол, кровь не поступала в его мозг — только в кулак. В кулаке он сжимал кусок глины или сырую пышную хлебную массу, придавая им все формы, какие только были известны ему и его гневу.

Скульптор Сухроб просто начинал работать. Но я чувствую себя обязанным напомнить вам сейчас о правиле Микеланджело. Пожалуйста, не накладывайте на свое воображение за слоем слой, чтобы в итоге прийти к мысли, что Сухроб был таким патриотом, думающим только о своей Родине и о людях, живущих там. Его «узбекство», должен отметить, не простиралось дальше ношения златотканой тюбетейки на голове раз в год и выставления перед каждым гостем, который посещал его студию, керамического блюда с изюмом на вышитой шелком скатерти. Если вам нужны доказательства, примите к сведению отрывок из письма, которое он однажды прислал мне. Язык этого письма, с некоторой долей условности, можно назвать узбекским: «Здравствуй, друг мой! Я насчет проекта Тоира. Другие художники, которых я знаю, имеют ту же проблему — они не отделимы от рашидовского режима. До сих пор в моей памяти слова Кончаловского: художники не могут участвовать в большой лжи, иначе какими великими они могут быть?»

Видит Бог, я вставил сюда этот отрывок не для того, чтобы посмеяться над Сухробом, а только стремясь показать, что я имею в виду.

Одним словом, «узбекство» Сухроба шло на спад в течение полувека его московской жизни и докатилось до того, что, как я ранее упоминал, он был практически переименован в Зураба Церетели.

Но давайте уже выпутаемся из этого предисловия и перейдем к самой истории.

В один из зимних дней Сухроб работал в своей студии на Киевской набережной, когда зазвонил телефон. Это была его жена Маша.

— У тебя все в порядке? Только что звонил кто-то из твоего села и спрашивал тебя. Я сказала, что ты вернешься вечером. Он спросил, есть ли у тебя мобильный, потому что у него к тебе важное дело. Перезвонит через пять минут, так что я звоню узнать, что ему ответить.

По правде говоря, Сухроб в тот момент не работал ни над чем важным, но он в принципе не любил, когда его отвлекали во время работы.

— Кто звонил? Ты спросила его имя?

— Нет, это не пришло мне в голову,— ответила Машенька со свойственной ей непосредственностью.— Но он сейчас перезвонит, и я спрошу. У тебя все в порядке?

— Это ведь ты говорила с ним, а не я. Так что тебе должно быть виднее, все ли в порядке.

— Я просто спрашиваю, я ведь переживаю...

— Когда он перезвонит, можешь дать ему номер студии. Но не говори ему, что это номер студии. Просто скажи, что я в другом месте, и дай ему этот номер.

Окончив разговор, Сухроб обнаружил, что выбит из колеи и работа не клеится. Задумавшись, он взял несколько черных изюминок из керамического блюда. Кто бы мог быть этот звонивший? Кто еще оставался у него в родном кишлаке? Мать умерла, когда он был ребенком. После того, как отец вышел из тюрьмы, он взял новую жену, и у них было двое или трое детей. Сухроб вырос и отслужил в армии, потом навсегда уехал в Москву. Из писем своей мачехи он узнал, что отец снова арестован и исчез где-то в лагерях. Но в какой-то момент он перестал получать письма, в которых мачеха рассказывала о себе и его младших сводных братьях и сестрах. Как вода высыхает в каналах к исходу лета, так постепенно иссяк и поток писем. Сухроб никогда не

возвращался в свой старый кишлак, и, похоже, никто оттуда им тоже не интересовался.

Но теперь случился этот звонок...

Беспокойные мысли заставили сердце Сухроба биться сильно и тяжело. Телефон зазвонил снова.

— Алло! — Его голос прозвучал грубее обычного.

— Позовите Сухроба! — Голос, пролаявший этот приказ, принадлежал явно не русскому человеку.

Сухроб ответил не сразу. Не потому, что делал вид, будто кто-то зовет его к телефону, — просто слегка растерялся от тона незнакомца.

— Да, это я. А вы кто?

Голос в телефоне мгновенно потеплел:

— Здравствуйте, дядя! Это ваш племянник Сангин. Младший сын вашей сестры Фаррах.

— Моей сестры Фаррах?

— Ну, когда вы были детьми, вы называли ее Фая. Ее сын.

— Ах да, Фая... Да, конечно. Где вы?

— Мы приехали в Москву работать, да, а менты пристали к нам, что у нас нет документов. Вы должны сказать им, да, что я ваш племянник.

— Где вы сейчас находитесь?

— Подождите, я передам трубку этому придурку.

Сухроб с облегчением услышал голос, уверенно говорящий по-русски. После нескольких вопросов он выяснил, что его племянник Сангин вместе с соседом были задержаны офицерами Федеральной миграционной службы на рынке без необходимых бумаг. Денег на уплату штрафа у них не оказалось, и теперь их должны выдворить из страны. Сангин, по-видимому, объявил, что приехал увидеться с очень уважаемым родственником. Офицер хотел убедиться в этом.

— Если вы берете на себя полную ответственность за этих ребят, мы готовы их отпустить. Но вам придется приехать к нам, чтобы забрать их, — заявил офицер.

То ли подчиняясь этому приказу, то ли желая выполнить родственный долг, несколько минут спустя Сухроб уже мчался к станции метро «Киевская», чтобы доехать до «Алтуфьево», на самую окраину города, и вызволить из тюрьмы племянника, которого он никогда не видел.

Обычно Сухроб избегал ездить на метро до окраин Москвы. Подземный транспорт в последнее время не был безопасен для узбеков. Нет, с его седой головой, у него никогда не бывало серьезных проблем с подонками и скинхедами, но иногда его принимали за грузина или чеченца, и тогда люди ругались на него, а те, что помладше, называли Бен Ладеном.

В этот раз — возможно, из-за жестокого московского холода — народу в метро было мало, и он проехал весь путь до «Алтуфьево» без приключений. Горстка молодых подвыпивших людей даже его не заметила. Он поднялся наверх и вышел на улицу, где снег падал так мягко, будто небесный скульптор равномерно сыпал бес-телесную белую пыль на все мироздание. Сухроб спросил дорогу у облепленной снегом пожилой женщины. Когда он добрался до полицейского участка, то увидел двух съезжившихся в углу худых молодых людей в спортивных костюмах. Верхней одежды на них не было.

С первого взгляда Сухроб узнал фигуру своего отца в том, что сидел слева. Лицо парня засияло, и он кинулся в объятия Сухроба.

— Дядя, дядя, посмотрите, что творят эти сволочи! Вы спасете нас, дядя!

Час спустя, после того как все нужные сведения были внесены в компьютер и все необходимые бумаги подписаны, родственник Сухроба и его односельчанин оказались в доме скульптора.

Когда Машенька увидела их, пришедших с мороза в одних спортивных костюмах, в ней проснулись материнские чувства. Она дала им теплые пальто и засуетилась, готовя чай. Но по мере того, как их холодные, не мытые месяцами тела отогревались, мерзкий запах начал распространяться по квартире, травмируя чувствительное Машино обоняние.

Сухроб тоже не мог не замечать ужасную вонь, исходившую от молодых людей. Возможно, сердце скульптора ожесточилось вследствие постоянной работой над камнем, а может быть, в нем не было места для глупых сантиментов, но в итоге Сухроб заговорил на своем неуклюжем узбекском:

— Ваш чай, вы уже закончили? Вот, надевайте эти пальто, мы пойдем. Я отведу вас кое-где переночевать. Утром посоветуемся, что нам делать.

Сухроб отвез своего племянника и его друга в студию, соорудил из поставленных рядом двух скамей импровизированную кровать, дал им шерстяной ковер с пола вместо одеяла, после чего отправился домой, едва успев на последний поезд метро. Маша не спала, ожидая его приезда.

Я мог бы подробно пересказать неприятный разговор, который состоялся между супругами, и тревожные мысли, которые заставили Сухроба ходить из угла в угол до самого утра, но метод скульптора требует, чтобы я не позволял мелким деталям отвлекать меня от конечной цели.

Наутро после бессонной ночи нетвердо стоящий на ногах Сухроб наконец отправился в свою студию. По пути морозный воздух помог окончательно проснуться и прояснить сознание. Но, как только он переступил порог студии, ясность в мыслях исчезла: эти два молодца перевернули все вверх дном! Возможно, они искали ночью еще одно покрывало или самовар для утреннего чая. На вытянутых руках статуй криво лежали книги, покосившиеся творения Сухроба уткнулись головами в опустевшие книжные полки, и, словно этого было недостаточно, керамическое блюдо на расшитой скатерти было разбито на четыре части, усеянные черным изюмом. И это только то, что я могу видеть глазами Сухроба, не говоря уже об адском запахе и бесстыдном храпе.

«Вашу мать...» — едва не слетело с языка Сухроба оскорбление, которого он не употреблял, наверное, с подросткового возраста. Вместо этого он, метнувшись в угол, где лежали два маленьких тела, выкрикнул:

— Эй, вы, сволочи, вставайте!

Этот крик вышел у него каким-то жалобным: хриплый голос срывался от волнения.

— Долго вы будете лежать там в своем дерьме?!

Ребята нехотя подняли головы.

— Какого хрена ты орешь, чмо? — сказал один из них и повернулся на другой бок.

В ответ Сухроб сорвал пальто, прикрывавшие их обоих.

— А ну-ка встали, вашу мать!

Дрожа от холода, гости протирали глаза спросонья.

— Что с вами, дядя? Зачем так говорите? — встали они наконец на ноги.

— Вот вам две тысячи. Идите на Казанский вокзал и отправляйтесь домой!

При виде денег эти двое повеселели.

— Хорошо, дядя. А есть у вас еще одежда?

— Идите, живо!

Не предложив ни капли чая, Сухроб нашел два хороших, плотных шотландских свитера, кинул их гостям и, заперев за ними дверь, обнаружил себя в одиночестве. И сразу же задумался: правильно ли он поступил? Что сделано, то сделано, и все же... Может быть, ему стоило поддерживать связь с земляками, изредка посылать им подарки?

День уже был испорчен. И то, что от него оставалось, не выглядело многообещающе. Сухроб занял себя уборкой, пытаясь привести студию в порядок, возвращая книги на полки, вытирая гипсовую пыль, склеивая четыре керамических осколка... Кончилось все тем, что в его руках оказалось пять осколков вместо четырех. Но не было ли его сердце сейчас разбито на такие же мелкие части?

Он ругал себя за свою низость, когда зазвонил телефон.

Это был его племянник Сангин:

— Ты будешь сердиться, дядя, но здесь нет этих чертовых билетов на поезд. Нам сказали, что сегодня есть самолет, да, но нам нужно больше денег. Так что нам делать, дядя?

Руки и разум скульптора, как мы знаем, всегда остры и решительны.

— Вы знаете башню с часами на Киевском вокзале? Я принесу вам деньги.

Деньги дело наживное. Сухроб хотел вернуть себе душевное равновесие. Из тысячи долларов, которые он скопил понемногу, втайне от жены, и спрятал на черный день, он взял четыреста и снова отправился под снег.

После получасового ожидания под башней он отдал молодым людям четыреста долларов («Триста на дорогу, а на эти сто купите что-нибудь себе домой»), после чего поехал обратно в студию. Каждый приезжий, кого он встречал по пути, казался ему узбеком.

Вернувшись в студию, Сухроб продолжал думать об этом его неловком стоянии под часами, и два непутевых мальчика то и дело возникали перед его глазами.

Чтобы отвлечь себя от тяжелых мыслей, Сухроб замесил немного глины, пытаясь успеть хоть что-то за этот потерянный день. Но рука сама, без участия разума, не могла придать материалу нужную форму — и глина бесплодно высыхала, просыпаясь пылью сквозь пальцы.

Когда вы чистите лук и подбираетесь к сердцевине, сняв первые слои, слезы начинают литься из глаз. Вот в таком настроении и находился сейчас Сухроб. Правильно ли он поступил? Не должен ли он был устроить парней на какую-нибудь скромную работу, вместо того чтобы отправлять их туда, откуда приехали? У него были друзья, и при желании он смог бы найти подходящее место — например, ночного сторожа или курьера в Центре искусств. В Москве было много сторожей-узбеков. Наверняка нашлась бы работа для еще одного или двух.

Интересно, свойственно ли скульпторам вообще отстраняться от своих сомнений и сожалений? Когда ты откальываешь кусок от скалы, он уже не может вернуться на место. Нет смысла желать, чтобы она приняла первозданную форму. Но почему, в его-то возрасте, он, мучимый сомнениями, метался сейчас взад и вперед? Ведь он не послал своего племянника на смерть или проклятие — он отправил его обратно на родину! Тем не менее сердце Сухроба было словно заковано в глину...

— Похоже, я превращаюсь в поэта! — пробормотал он, смеиваясь над своим нынешним состоянием, и вдруг осознал, какую форму он должен придать комку глины, который замешивал в эту минуту.

Ранняя зимняя темнота уже начала опускаться на город, когда вновь зазвонил телефон.

— Здравствуйте, дядя, я в аэропорту. Тут один тип говорит, что за такие деньги мы не сможем купить билет еще пару дней. Он говорит, что, если мы хотим улететь сегодня, да, ему нужны еще две сотни, и тогда он достанет нам билеты. Что будем делать, дядя? Послать мне этого парня к башне с часами? Вы же поможете мне, дядя?

Сухроб положил трубку, не ответив. Его руки были испачканы. И не только руки. Он размазал глину и по телефону, который все еще нервно пищал. Он снова поднял трубку, но теперь бросил ее так, что глина разлетелась в разные стороны и трубка, расколотая посередине, наконец затихла.

Сухроб потер руки, соскребая грязь, затем вернулся к своему запасу денег, взял двести долларов, потом, немного подумав, добавил еще двести, набросил на себя пальто и снова отправился на мороз. На этот раз ждать не пришлось — парень-узбек уже стоял, притаившись под часами. Сугробу не понравился его взгляд. Когда он подошел ближе, то почувствовал, как от парня несет дешевым пивом.

— Ты кто? — спросил Сухроб, опуская формальности.

— Меня послал ваш племянник. Он сказал, вы дадите мне бабки...

Но Сухроб не слушал: ему показалось, что под кожаной курткой незнакомца мелькнул один из утренних шотландских свитеров.

— Слушай, парень, откуда это у тебя?

Он ткнул пальцем в свитер под курткой этого человека, и, когда тот отступил, пальцы Сухроба схватили кожаную куртку.

— Эй, отец, чё за беспредел? Это же настоящая кожа, она хренову тучу денег стоит! Хотите ее испортить?

Сухроб попытался сорвать куртку, как если бы, следуя привычкам своего ремесла, собирался снимать слой за слоем, чтобы добраться до сердцевины этого парня. Но тут из ниоткуда возник полицейский, и его раскатистый голос помешал Сухробу осуществить задуманное:

— Вы что это здесь, ептыть, беспорядок разводите? Понаехали тут, черножопые!

Никогда в жизни Сухроб не сталкивался с полицией.

— Я вот тут, товарищ сержант, родственникам хотел деньги передать... — сказал он.

— Товарищ старший сержант! — поправил его полицейский. — Деньги, говоришь? Какие деньги?

— Да вот, братишка улетает в Ташкент, хотел передать... — начал объяснять Сухроб, вытаскивая свои четыреста долларов.

— Ах, ты, ептыть, так ты тут еще контрабандой промышляешь?! Небось, за анашу платишь?! — угрожающе спросил офицер, и Сухроб наконец осознал реальное положение дел. У этого никчемного узбека вполне могла быть трава в карманах, и от этой мысли Сухроба замутило.

— Отец, не лоханитесь, дайте ему сотню, — прошептал по-узбекски парень.

Никогда в жизни не давал Сухроб взяток, но ему, охваченному страхом, хватило одной секунды, чтобы взять сотню долларов и протянуть ее полицейскому.

— Ты что, ептыть, правоохранительные органы на взятку... при исполнении служебных обязанностей... Да ты знаешь, что тебе за это будет?! — вконец распалился старший сержант.

Парень выхватил всю стопку из рук Сухроба и взял полицейского под локоть.

— Ты чё, начальник, давай перетрем спокойно, свои же люди... — сказал он и повел его в сторону.

Полицейский ворчал и рычал, но позволил увести себя и исчез так же внезапно, как появился.

Это поставило Сухроба в затруднительное положение. Одна его половина умоляла спастись, пока не поздно, но ему было стыдно бежать. С одной стороны, было жаль пропавших денег, которые неплохо было бы вернуть. Но что если этот узбек был заодно с полицией? Тогда ретироваться было бы правильным выходом. При этой мысли Сухроб начал отходить от часов. С каждым шагом он шел все уверенней. Уличные фонари пока не горели. Еще двадцать-тридцать шагов — и он бы растворился в толпе. Но в это мгновение он услышал:

— Уф, отец, куда вы подевались?

Сухроб встал как вкопанный. Ему показалось, что сейчас он привлекает внимание не только полиции, но и всех бесчисленных узбеков, крутящихся вокруг Киевского вокзала. Его догонял тот же нетрезвый парень, которому он так неудачно пытался передать деньги.

— Отец, постойте! Вы должны сказать своему племяннику, что я отдал этому козлу две сотни. А то он на меня наедет.

Сухроб только кивнул и, не прощаясь, отправился в иссиня-черный снег — снег, падавший на снег, слой за слоем.

Когда он вернулся в студию, его руки тряслись и сердце стучало, словно собиралось вырваться из груди. Он достал полупустую бутылку водки из холодильника, наполнил железную кружку и осушил ее в два глотка, не отрываясь. Огонь разгорелся в нем. И в этот момент раздался звонок. Сухроб подпрыгнул на месте. Это был не телефон. Хуже: это был звонок в дверь. Сначала Сухроб испугался, что это полиция, но тут же сообразил, что она обычно не звонит, а стучит. Потом ему пришло в голову, не явились ли племянник с другом опять просить деньги. Но прозвенел второй

звонок, не столько требовательный, сколько извиняющийся. «Что будет, то будет!» — сказал про себя Сухроб и, схватив железную кружку и полбутылки водки, направился к двери.

На пороге стояли двое неизвестных, мужчина и женщина.

— Mr. Soo-rab? — спросил мужчина по-английски, и в помутневшей памяти Сухроба всплыло, что именно в этот час должен был приехать к нему весьма уважаемый гость из нью-йоркского музея Метрополитен.

Стоя перед посетителями с железной кружкой и початой бутылкой водки в руках, Сухроб не имел ни малейшего понятия о том, как принять эту уважаемую пару. Он не мог ни поздороваться с ними, ни протянуть руку для приветствия. Но эти люди были американцами.

— Пытаетесь поймать вдохновение? — расхохотались они, хлопнули Сухроба по плечу и зашли в студию без лишних формальностей.

Здесь я снова позволю себе лирическое отступление. Не говорил ли я уже, что мы, как истинные скульпторы, должны не отвлекаться на оболочку событий, а продвигаться к самой сути? Поэтому я не буду передавать все нюансы и повороты долгого разговора с этой уважаемой парой, визита которой Сухроб ожидал уже давно. Не буду останавливаться на том, что студия пропахла водкой и двумя грязными гастарбайтерами и ничто не могло перебить этот запах. И чем больше пытался хозяин скрыть неловкость, тем любезнее вели себя американцы. Они, должно быть, решили, что русские привычки заразили даже этого нерусского художника, и, с их западным высокомерием, готовы были простить его за это.

В одиннадцать вечера Сухроб проводил гостей и пошел домой, не желая ничего, кроме как обнять свою верную Машеньку.

Она ничего не знала о том, что произошло с Сухробом в течение дня.

— Ты выпроводил своего племянника? — Вот все, о чем она спросила.

— Выпроводил, — ответил он и поведал более подробно о своих американских посетителях. Сухроб пересказал в общих чертах весь разговор с ними и внезапно понял, что для этих западных людей он был таким же, как его племянник: мигрант, нелегал, попрошайка. Не пытался ли он снискать их расположение, чтобы продать им свою работу за большую цену? Когда они посетовали на падение

интереса к искусству, не постарался ли он подчеркнуть культурную уникальность своей творческой манеры? Со своим неявным попрошайничеством, чем он был лучше любого из тех узбеков, с кем он успел пообщаться за этот долгий день? И что с того, что в роли покупателей его работ оказались не русские, а американцы?

Думая об этом, Сухроб снова не мог заснуть до поздней ночи. Он лежал, ворочаясь с боку на бок под одеялами.

Наутро... Наутро ничего не изменилось. Телефон не зазвонил, и полиция не пришла за Сухробом. От американцев вестей тоже не было. В общем, день обошелся без происшествий.

Еще через пару дней студия была убрана, керамические обломки и пустые бутылки из-под водки отправились в мусор. Горсть черного изюма ютилась в златотканой тубетейке, заменившей разбитое блюдо. Сухроб взял последние две сотни долларов, что уцелели в его запасах, собираясь вечером порадовать Машеньку. И только сейчас, когда он остановился, чтобы прислушаться к своему ровно бьющемуся сердцу, будущая скульптура начала обретать форму в его воображении. Возможно, он назовет ее «Гастарбайтер». Да, как-нибудь так.

Придя домой, Сухроб подарил Маше двести долларов, и они расслабились перед телевизором с бутылкой дорогого французского вина. В новостях показывали сюжет о шестидесяти восьми гастарбайтерах из Средней Азии. Полиция выгоняла их из назначенного на снос здания, которое они превратили в общежитие. Сухроб присмотрелся к телекартинке: его племянника Сангина не было среди выселяемых. Но вид этих человеческих существ, живущих, как собаки, снова заставил сердце биться чаще. И вновь потом не получалось уснуть. Сухроб винил в своей бессоннице вино, новости, свою неискренность по отношению к Машеньке... Мысли метались в разные стороны, не давая покоя.

Когда-то в молодости, когда Сухроб только приехал в Москву, ему так же пришлось проводить ночи в местах, не подходящих даже для собак. И он вспоминал, как погружался тогда сначала в анатомию человека, потом в изучение форм, в искусство резки камня и работы с глиной. Он знал, что все эти лишения помогут ему достичь респектабельности, которой он в итоге добился. Но могла ли она спасти его сейчас от внутреннего пламени? Не стал

ли с годами Сухроб, который с малых лет оценивал свою жизнь с точки зрения будущих великих свершений, жертвой бессмысленной, ежедневной рутины?

Об этом можно рассуждать долго, но не в том ли цель жизни, чтобы не позволять людским сердцам, хрупким как стекло, разбиваться? Сухроб подумал о Машеньке. Потом о своей сестре Фаррах, которой он никогда не знал, и о ее отморозке Сангине. Что мог он сделать для того, чтобы все они были счастливы? Он думал, думал... И наконец ему в голову пришла идея. Он представил себе штуковину, что-то вроде пушки, установленной на берегу. Его младшая сестра находилась внутри. С выстрелом она вылетала из штуковины и летела далеко-далеко, за океан. Она парила в свободном полете над волнами, возникала из пены морской, словно идеальная статуя, богиня Афродита. Возможно, он мог бы продать эту идею американцам! Это принесло бы ему столько денег...

Утром, когда он проснулся посреди плотной зимней полутьмы, мысль о машине-катапульте все еще преследовала его. Сильное желание сотворить эту вещь не покинуло его за ночь. Сухроб не знал, смеяться ему или плакать, когда наступил рассвет. К тому моменту, когда он добрался до студии, аура сна еще не рассеялась, и он чувствовал, что не может настроить руки и разум ни на какую другую работу. Сухроб снова погружался в мысли о себе и своей жизни. Однако не будем отвлекаться: мы ведь договорились хранить верность искусству скульптуры — так и продолжим повествование в соответствии с ее правилами.

Было около полудня, когда зазвонил телефон. Незнакомый, с нотками официальнойности голос поинтересовался, как его зовут.

— Это Сухроб Сураталиев.

— Вы ответственный за личность по имени Сангин Сураталиев? — спросил голос, который звучал так, словно раздавался из-под спуда бумаг.

— Извините, я только... можете повторить? — Сухроб пытался выиграть время и предположить, в какие еще неприятности мог втянуть его племянник. Он с трудом преодолевал искушение бросить трубку.

— Прошу прощения, все в порядке? — спросил он.

— Нет, в том-то и дело. Ничего не в порядке! — набросился на него голос. — Вы же обещали о нем позаботиться? Заверили, что присмотрите за ним?

— Прошу прощения, но что именно произошло? — нетерпеливо перебил Сухроб.

— Вы дали ему денег на казино в аэропорту? Он их все проиграл, учинил драку и в разгаре происшествия назвал ваше имя...

— Что? Какие деньги?

— Вы спрашиваете у меня? Это вы мне должны сказать!

Сухроб почувствовал, что совсем обессилел. Колени задрожали. Он присел на алебастровые колени статуи, и они откололись от тяжести. Теперь не было смысла ничего скрывать.

— Извините, товарищ, — как, вы сказали, ваше имя? Да, это правда, я дал Сангину денег, чтобы отправить его обратно домой. Он... он балбес, придурок...

Боль и неприязнь последних дней излились из Сухроба прямо в телефонную трубку. Он рассказал о своем визите в Алтуфьево, о студии, перевернутой вверх дном, о том, как пропали дорогие шотландские свитеры, вместе с последними деньгами, которые он скрывал от жены... И при этом они не такая уж близкая родня!

— У меня нет такого родственника. Делайте с ним, что хотите! — провозгласил он в завершение своей гневной тирады.

Обычно представители власти выказывают куда меньше терпения, но собеседник Сухроба хранил полное молчание, пока тот не закончил.

— Извините, но с ним ничего уже нельзя сделать, — сказал голос, когда Сухроб наконец выговорился. — Один скинхед заколол его в камере. Я звонил вам сказать, что вы можете приехать и забрать тело.

Сухроб и Маша едут в Домодедово, а я готов отступить от того, о чем мы ранее договорились. Литература — вот мое искусство. А скульптура, вгрызающаяся в камень, счищающая дерево слой за слоем до самой сердцевины, — она беспощадна. Добрался я до сути или нет — я уже не хочу наблюдать за скульптором Сухробом Сураталиевым, который в суровой зимней московской ночи несет застывшее тело своего безрассудного племянника, словно каменную статую, из тюрьмы в катафалк. Была ли это работа всей его жизни, его душераздирающая идеальная статуя? Было ли это самой про-

стой сутью всех его исканий? Голая, острая правда в этом была, говорю я вам. И прекращаю заниматься этим искусством, столь далеким от меня, в котором я сам — не более чем гастарбайтер. Не лучше ли будет закутать всю эту историю в теплый, мягкий слой догадок и предположений?

Начнем сначала. Друзья Сухроба Сураталиева в шутку называли его за глаза Зурабом Церетели...

*Перевод с узбекского
Вадима МУРАТХАНОВА*